

МУРЗИЛКА

№ 11
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
НОЯБРЬ 1956

МЕДНЫЙ КЛЮЧ

М. КОРШУНОВ *Рис. А. ЛИВАНОВА*

Филька в подтянутой верёвочной опояской шубейке, в ушанке, насунутой на глаза, вбежал в надворье барака и закричал:

— Терёшка! А, Терёшка!

Сильный ветер со снегом бил в грудь, относил крик в сторону.

Фильку схватили и втолкнули в барак.

Кто-то зажёг масляный каганец, и тонкая струйка копоти взметнулась к потолку.

Филька увидел своего приятеля, босого, в ватных штанах и ватной куртке.

— Чего разорался? — спросил Терёшка недовольным голосом. — Из-за тебя на мороз босым выскакивай.

Филька вытер рукавом шубейки мокрое от снега лицо и, убедившись, что в бараке все ещё крепко спят, заговорил:

— Лямин какие-то запрещённые книжки нашёл, политические!

— Да ну?.. — удивился Терёшка. — А где нашёл?

— Не знаю. В сундук их запрятал. Мать видела, как он прятал. — При этом Филька, сын кухарки Лямина, утвердительно качнул головой. — А на сундук во какой замок навесил! — и Филька широко расставил красные с мороза ладони. — И ключ у этого замка тоже во какой, медный! — и Филька немного сузил ладони.

— Неужто такой здоровый? — усомнился Терёшка.

— Угу! Хочешь, забожусь?

Терёшка махнул рукой:

— Не надо, верю.

— Он матери сказал, что пойдёт в Соболевку в полицию заявлять. Как метель утихнет, так и пойдёт.

Терёшка начал поспешно накручивать портянки и натягивать валенки.

— Надо скорее предупредить.

— А кого ты будешь предупреждать?

— Найдётся кого... — ответил Терёшка.

Лямин был церковным старостой. Про книги он узнал случайно, подслушав в церкви разговор старух. Одна рассказывала другой, как она пошла в лесок, подсобрать гнилушек на растопку, да ковырнула там трухлявый пенёк. А под ним утайка в земле выкопана, и в ней короб полный книжек лежит.

Лямин вечером вытащил из-под гнилого пня цинковый ящик с книжками и убедился, что книжки принадлежат «смутьянам», которые против царской власти. Тогда он перенёс их в дом и спрятал до той поры, пока метель спадёт, и тогда можно будет обо всём доложить в полицейской управе.

...В посёлке была устроена «явка» — тайная квартира — большевистской подпольной организации Соболевской шахты. Здесь, в тридцати верстах от шахты, хранились в безопасности архивы подпольщиков. Ведал архивом Корней Иванович Мальцев. Только ему было известно, что в цинковом ящике среди политических книг имеется одна совсем и не политиче-

ская. В этой книге между обычными строчками были записаны бесцветными химическими чернилами выступления коммунистов-соболевцев на партийных собраниях. Называлась эта книга протокольной. Если она попадёт к полицейским, они могут заподозрить что-нибудь неладное, провести по её страницам горячим утюгом, и тогда бесцветные чернила проявятся и прежде невидимое сделается видимым. Полицейские узнают фамилии подпольщиков, адреса «явок».

Корней Иванович с близкими ему людьми приступил к немедленным действиям: старику Ефремычу было поручено следить за Ляминым, чтобы он не ушёл в Соболевку, а Терёшке и Фильке приказано обшарить в комнате Лямина все углы и попробовать отыскать ключ от сундука.

Филька и Терёшка дождались того часа, когда Лямин отправился в церковь, и прошмыгнули к нему в комнату.

— Начнём с комода, — предложил Терёшка.

Они выдвинули тяжёлые ящики и просмотрели в них бельё, кульки с крупой, свечные огарки, но ключа не обнаружили.

— Складывай как было,— предупредил Терёшка, — чтоб Лямин не заметил.

Когда с комодом покончили, Терёшка сказал:

— Я ещё огляжу запечье.

Оглядел — ключа нет.

Слазили под кровать, подняли подстилку и прутиком от веника поворошили в щелях пола, перетряхнули подушки и зипуны, Терёшка заглянул даже в пустую лампадку перед иконой, но всё напрасно — ключа нигде не было.

Огорчённые неудачей, ребята вернулись к Мальцеву. Некоторые члены «явки» тут же предложили подкараулить Лямина и заставить отдать ключ, а то и просто ворваться в дом и разломать сундук.

— Вы забываете о конспирации, — возразил Корней Иванович. — Сейчас у Лямина только книги, а тогда будут улики против отдельных коммунистов.

Тогда решено было, что Филька незаметно проведёт в дом кого-нибудь из рабочих и тот осмотрит комнату Лямина сам.

Но и вторичный обыск ничего не дал — ключа не оказалось.

Вечером неожиданно выяснилось, что ключ Лямин прячет в церкви в железной кружке для сбора пожертвований. Ефремыч заметил, как перед закрытием церкви Лямин выгреб из кружки монеты и среди них медный ключ. Деньги он сложил в мешочек, чтобы отнести священнику, а ключ снова бросил в прорезь кружки.

И опять собрались члены «явки». Как быть? Что делать?

Каждый придумывал своё, и всё это было невыполнимым. Забраться в церковь, — но церковь закрыта. Влезть через окно, — но на всех окнах решётки. Вытащить кружку рогачом сквозь решётку, — но кружка привязана цепью к столбу.

Думали, так и этак прикидывали — каким путём выручить ключ, но ничего путного придумать не могли.

Тут попросил разрешение высказаться старик Ефремыч. Он поднялся со скамьи, поскрёб пальцем подбородок, прищурился и неторопливым говорком начал:

— Когда я мальчонкой был, довелось мне в пастушатах у попа Феоктиста батрачить. А тот поп Феоктист...

Кто-то в раздражении перебил:

— Не до того нынче, Ефремыч, чтоб жизнь свою вспоминать.

— Это кому как, — упрямо возразил Ефремыч. — Может, у меня в жизни было такое, что к церковной кружке прямое отношение имеет.

Ефремыч вдруг обиделся и закончил своё выступление словами:

— Возьму-тка я Фильку и Терёшку, и этот самый злочестивый ключ мы вам из церкви принесём. А уж каким манером, про то забота моя.

К ночи метель смолкла, и в небе крупным зерном рассыпались звёзды. Посёлок дремал в белом дыму потухающих очагов, тёмный и притихший. Только в усадьбе священника мерцали огни керосиновых ламп и слышны были пьяные голоса гостей, собравшихся по случаю престольного праздника. Здесь был и Лямин.

Старик Ефремыч, Терёшка и Филька направлялись к церкви.

Морозная дорога повизгивала под валенками. Старик Ефремыч нёс хворостинную удочку и большой фонарь. Филька — банку с тёплой водой, которую он укрывал под шубейкой, чтобы вода не застыла. Так велел Ефремыч. А Терёшка шагал с деревянной лопатой. Он подпрыгивал от нетерпения и приставал к Ефремычу:

— Дедушка, вы ключ будете удить?

— Буду.

— А как же удочка у вас без крючка? Голая верёвка болтается.

— А вот так и буду голой верёвкой удить, — хитро посмеиваясь, отвечал старик Ефремыч.

Филька молчал-молчал и тоже не утерпел, полюбопытствовал:

— Мы что, на церковь полезем?

— Это к чему? — в свою очередь, озадачился старик Ефремыч.

— Удить через трубу будем, что ли?

— Где это ты на церквях трубы видел?

— Угу, — согласился Филька. — И то верно. Не видел.

Возле церкви никого не было. Проворно разгребли лопатой снег и подобрались к тому окну, на которое указал старик Ефремыч. Окно было выложено мелким цветным стеклом и покрыто витой ржавой решёткой.

Старик Ефремыч лопатой продавил одно из мелких стёкол. Оно только слабо хрупнуло и выкрошилось. Тогда Ефремыч запалил фонарь и пристроил его на подоконнике. Потом размотал удочку, разлохматил конец бечёвки, обмакнул его в банку с водой и сунул удочку в окно, целясь в прорезь кружки. Скоро ему удалось завести бечёвку в кружку, и он стал ждать.

Ребята разминали ноги, глядели по сторонам, нет ли кого, и тоже ждали.

Когда прошло с четверть часа, старик Ефремыч осторожно потянул удилище.

Терёшка и Филька подбежали к Ефремычу. А он всё продолжал осторожно тянуть удилище. Наконец показалась бечёвка, а на конце её, покачиваясь и поблёскивая, повис медный ключ.

Ребята обмерли от удивления. Первым опомнился Терёшка.

— Эва! — воскликнул он в восхищении. — Ключ-то к бечёвке примёрз!

— Угу, — подтвердил Филька. — Примёрз.

Довольный Ефремыч спрятал ключ и поглядел на усадьбу священника, где попрежнему мерцали огни керосиновых ламп и слышался гомон пьяных гостей.

* * *

Кони бежали лёгким шагом, ходко тянули дорожные санки. В санках, в ржаной соломе был спрятан цинковый ящик с архивом соболевских большевиков. Возле ящика сидел Корней Иванович Мальцев. На передке за кучера расположился старик Ефремыч.

Архив перевозили на новую «явку», чтобы скрыть от полицейских, если их всё-таки приведёт церковный староста.

ЛЕВ КВИТКО *Рис. В. МЕДВЕДЕВА*

Я САМ

„Я сам, я сам!“ Ему совсем
Подмога не нужна,
Без мамы можно обойтись,
Тут ни при чём она.
Без дела парень не сидит, —
В работе день-деньской.
Рукам покоя не даёт,
Какой уж там покой!

Кладёт он глину ком на ком, —
Построить нужно дом
С крыльцом, с высокою трубой,
Чтоб дым валил столбом.
Сготовить надо на обед
В ведёрке вкусный суп,
Заправить варево песком,
Добавить щебня — круп.
Сражаться с курами притом
Приходится ему.
Он осаждён со всех сторон,
Легко ли целый батальон
Осилить одному?
Подходит ночь—достроен дом,
Отброшен враг, и вот,
За юбку матери держась,
Герой наш спать идёт.
Пусть мать несёт его ружьё,
Уж очень долог путь.
А ноги до кроватки сам
Дотащит как-нибудь.
Ведь он трудился целый день,
Он просто сбился с ног.
Как хорошо, что мама с ним,
Что он её сынок!

Перевела с еврейского Т. Спендиарова

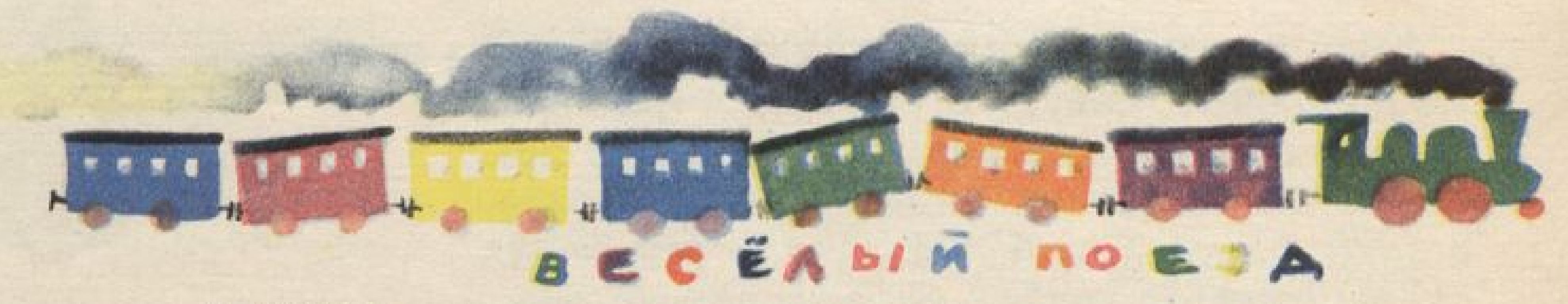
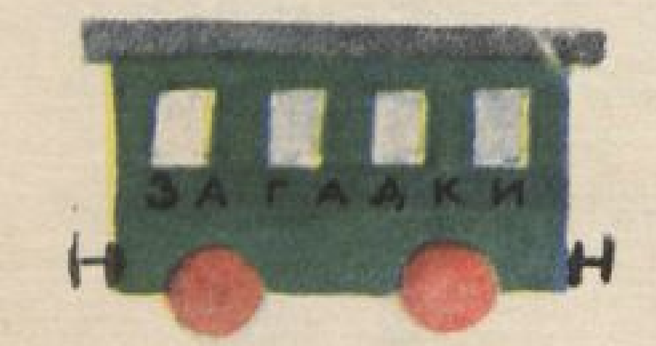

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Г. АБРАМОВ

Чернокрылый,
Красногрудый
И зимой найдёт приют:
Не боится он простуды —
С первым снегом
Тут как тут!

(Снегирь)

МОРОЖЕНОЕ

ГЕННАДИЙ СНЕГИРЕВ

Купил я билет в кино, и ещё деньги остались на мороженое.

Только я начал мороженое есть, а в это время входит Серёжа.

Я мороженое в карман положил: потом, думаю, съем.

Серёжа ко мне подошёл:

— Знаешь, я вчера английскую монету нашёл!

— Подумаешь! — говорю. — У меня их сколько хочешь!

Серёже сразу завидно стало, и он опять стал про свою монету рассказывать.

Я его не слушаю. Поскорее бы кино начиналось: мороженое у меня в кармане тает, а Серёжа всё время рассказывает. Я уже чувствую, как мороженое по ноге течёт.

Наконец звонок дали, и Серёжа убежал куда-то.

— Подожди,—говорит,—сейчас приду!

Долго его не было. Я думал, что он уже сел на своё место. Свет потушили, хотел я мороженое доесть, вдруг кто-то дёргает меня за руку:

— На скорей, а я побегу на своё место!

Серёжа мне в руку суёт мороженое. Мне как-то нехорошо стало, хотел я ему обратно мороженое отдать, а он убежал уже.

Смотрю я кино, ем мороженое, и всё без удовольствия, потому что правая штанина у меня вся мокрая. И всё из-за жадности!..

Украинская сказка

Научил отец Ивасика корзины плести. Вот ушли Ивасиковы отец с матерью со двора, а Ивасик натаскал в избу ивовых прутьев, что отец для починки изгороди наломал, весь угол прутьями завалил, и сел за работу. „Дай, — думает, — сплету для Бурёнушки новые ясли: старые проходились, сено сквозь них протрушивается, пропадает зря“.

Час плетёт, другой плетёт; уже солнце на закат повернуло, а он всё работает.

Вот вернулась мать с поля, вошла в избу. И только вошла, Ивасик к ней:

— Мам, так плету или не так?

А мать:

— Так-то оно так, да из избы-то как?

А он и верно, такие ясли сплёл, что из избы не вынесешь.

Пересказала И. Воробьёва

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

БОЛЬНАЯ-ЗАВОДНАЯ

Вот девочка Марина.
А вот её машина.

— На, машина, чашку!
Ешь, машина, кашку!
Вот тебе кроватка!
Спи, машина, сладко!

Я тобою дорожу.
Я тебя не завожу,
Чтобы ты не утомилась,
Чтобы ты не простудилась,
Чтоб не бегала в пыли...
Спи, машина... Не шали!

Вдруг машина заболела:
Не пила она, не ела,
На скамейке не сидела,
Не играла, не спала,
Невесёлая была.

Навестил больную Мишка,
Угостил конфетой „Мишка".
Приходила кукла Катя
В белом чистеньком халате.
Над больною целый час
Не сомкнула Катя глаз.

Доктор знает всё на свете.
Первоклассный доктор —
Петя!
Петя кончил первый класс.
И больную доктор спас.

Доктор выслушал больную,
Грузовую,
Заводную,
Головою покачал
И сказал:

— Почему болеет кузов?
Он не может жить без
грузов.
Потому мотор простужен,
Что мотору воздух нужен.
Надоело
Жить без дела —
И машина заболела.

Ей не нужно тишины.
Ей движения нужны.
Как больную нам спасти?
Ключик взять —
И завести!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

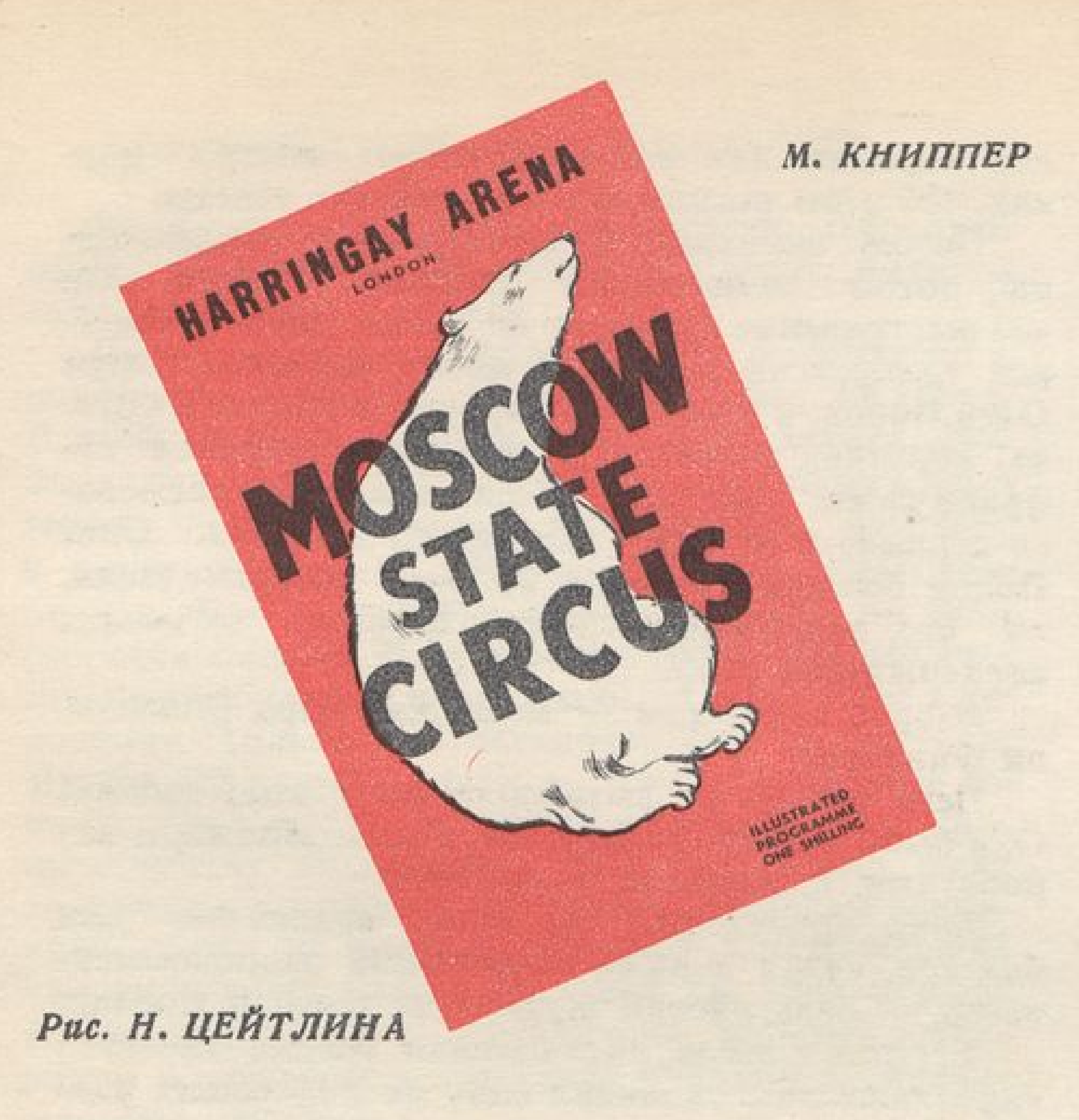

В лужах — картинки!
На первой — дом.
Как настоящий,
Только вверх дном.

Вторая картинка —
Небо на ней.
Как настоящее,
Даже синей.

Третья картинка —
Ветка на ней.
Как настоящая,
Но зеленей.

А на четвёртой
Картинке
Я промочил
Ботинки.

М. КНИППЕР

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

ПУТЕШЕСТВИЕ ЦИРКА

КАК МЫ СОБИРАЛИСЬ В ДОРОГУ

Однажды нам сказали, что скоро мы поедем с нашими цирковыми представлениями за границу. Все заволновались и стали собираться.

Акробаты упаковывали свои спортивные снаряды, фокусники — хитрые приборы, жонглёры — всякие цветные шары. И все предупреждали, что надо поосторожней, а то всё поломается и выступать будет не с чем. Но самая большая беда была с животными дрессировщика Филатова. Оказалось, что у медведей бывают характеры разные. Если дорогой им не угодят, то они и выступать откажутся. А вот, например, собака Бобик — та неженка и простуды боится. Приедем в Бельгию, а она без голоса — ангина у неё.

Но всё же, несмотря на волнения, выехали мы во-время и благополучно. Мы — пассажирским поездом, а звери — товарным.

Ехали, ехали — и приехали в страну Бельгию, в главный её город Брюссель. Очень нам понравилось в Брюсселе, потому что Москва нас провожала суровыми морозами, а здесь было теплым-тепло и цветов множество: в витринах магазинов, на уличных лотках, в руках прохожих.

Девочки и мальчики все в лёгких пальтишках и беретах разгуливают.

Вот так та́к, в январе — и такая теплота!

Скоро по всему городу запестрели яркие афиши: «Советские артисты в Брюсселе», «Первое представление советских циркачей».

И вдруг случилось неожиданное: в день первого представления ударил злющий мороз для этих мест — двадцать градусов.

Цирковое начальство забеспокоилось, как бы не сорвалось представление. Улицы Брюсселя опустели, цветы пропали. Девочки и мальчики в беретах перед выходом на улицу обматывались толстыми платками и подпоясывались кушаками.

Наступил вечер, и улица Просвещения, где находится здание цирка, наполнилась народом.

«В цирк, в цирк!» — слышалось всюду. Все торопились, и никому не было дела до мороза.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

...Зажглись яркие юпитеры, на арене стало светлым-светло, потом заиграл оркестр, и... под купол цирка полетела ракета. Она делает круг, и вот уже на ней две белые фигурки акробатов. Снизу они кажутся тонкими прутиками, и гнутся они, как прутики на ветру. Воздушные акробаты Синьковская и Лисин проделывают сложные номера. Но смотреть на них не страшно, потому что движения их строги и они не нагоняют страха на зрителей нарочно, как это принято во многих цирках. Об этом писали все бельгийские газеты.

Потом появляются дагестанские канатоходцы, потом эквилибрист Михаил Егоров. Он всё выступление проводит на руках, даже «Яблочко» танцует на руках. А потом выбежал клоун Олег Попов, в клетчатом картузе, в длинной куртке, коротких брюках, и отчаянно закричал по-французски: «Давайте веселиться!» Он засмеялся первый, а за ним загрохотал весь зал. Олег Попов больше ни слова не знал по-французски, но его подражание всем актёрам вызывало неудержимый смех.

Второе отделение — медвежий цирк Валентина Филатова.

Чего только не вытворяли косолапые мишки! Они были и мотоциклистами, и жонглёрами, и акробатами, и, наконец, боксёрами.

Бокс происходил по всем правилам: два боксёра, судья и даже спортивный радиокомментатор — бельгийский журналист Стефан Стеман.

Стефан Стеман расхваливал боевые качества «противников», оценивал силу их медвежьих ударов. Дрались медведи ожесточённо.

Но вот ударил гонг, и бой окончен. Победитель награждается большим куском сахару; для мишки это немаловажное обстоятельство, и он степенно раскланивается. А побеждённый, с полотенцем через плечо, скромно стоит в стороне.

Весёлое это было представление, и ещё мы подумали, что в Бельгии у нас много друзей!

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Ясным утром мы покидали Бельгию. Наш путь лежал на юг — во Францию, в Париж. Артисты сели в автобусы и уехали.

Потом пришли грузовики с фургонами и подъёмная машина. Называется она «Кларк». У этой машины впереди громадная лопата. Вот эта самая лопата подсовывается под клетку с медведем, легко подымает и чинно-важно опускает в кузов грузовика. Неизвестно, что испытывали при этом воздушном полёте медведи, но вели они себя смирно. В пути звери мирно похрапывали: автомобильные переезды были для них не в диковинку. Только вот остановок они не любили. Им бы всё ехать и спать, — мишки известные сони. А тут как раз остановка произошла: на границе между Францией и Бельгией нужно было документы дорожные выправить. Медведи заворчали: скоро ли, дескать, дальше? А таможенный чиновник знать ничего не знает. Он взял бумаги, какие полагается, у переводчика, который сидел рядом с шофёром, и, постучав кулаком по кузову машины, крикнул:

— Есть тут кто? Побыстрее, не задерживайте.

В ответ раздалось тихое урчание. Чиновник крепко рванул дверцу фургона, и ему прямо в лицо уставилась недовольная морда разбуженной медведицы. Он на минуту растерялся, а потом его строгое лицо расплылось в улыбке. Он проговорил, лихо коверкая русскую речь:

— Люся, танцуй!

Потом он подошёл к нашей переводчице, крепко пожал ей руку и сказал:

— Мы очень рады вашему приезду. Счастливый вам путь!

НАШИ ДРУЗЬЯ

В Париже мы выступали не в цирке, а на велодроме. Нас туда пригласили выступать потому, что очень много было желающих посмотреть советский цирк, а на парижском велодроме вмещается сразу девять тысяч человек.

Но во Франции мы не только выступали. Мы были на приёме в коммунистической газете «Юманите». Её директор Марсель Кашен сфотографировался с нами и каждому сделал подарок. Мы были в гостях у докеров Марселя, у рабочих Парижа, и везде нас так радостно принимали, что мы готовы были выступать без конца.

И мы давали в день два, три представления, и всегда велодром был битком набит весёлыми, гостеприимными французами.

И тогда мы подумали, что во Франции у нас тоже много друзей.

ЛЮСЬКА ПОЗНАКОМИЛАСЬ

До сих пор мы путешествовали по земле. Теперь, чтобы попасть в Англию, нам надо было плыть морем, через пролив Ла-Манш.

Только пролив этот проезжали мы особенным образом — в поезде. Вот как это происходит.

Поезд подходит к берегу моря, где его ожидает специальный корабль. Называется он «феербот»: по-русски — железнодорожный корабль. По рельсам поезд опускается в трюм; сигнал отправления — и мы в море. Потом поезд таким же образом выползает из трюма — и вот мы уже в Англии, стране, которая размещается на островах.

Про англичан говорят, что они народ серьёзный и веселиться не любят. Честно говоря, мы этого не заметили, потому что на наших представлениях они много смеялись и охотно хлопали нам.

Однажды во время представления медведица Люська взяла вдруг и направилась в зрительный зал. Наступила тревожная тишина. Но тут мужской голос из зрительного зала произнёс:

— О, Люська желает познакомиться с нами поближе.

Тогда какой-то мальчик как закричит:

— Мама, я тоже хочу познакомиться!

Все рассмеялись, а Люська потопталась на месте и решила вернуться обратно. Потом ей здорово попало от Филатова за плохое поведение.

Мы получали много писем от англичан, в которых они благодарили за хорошее выступление и просили побыть в Англии подольше.

А один мальчик написал нам, что ему очень понравились наши выступления, и поэтому он дал своей собаке новое имя. Раньше её звали Топс, а теперь Бобик.

Вообще наш Бобик в Англии прославился: его портрет даже в газетах печатался.

Мы ездили по разным английским городам, и всюду, где бы мы ни появлялись, нас сразу узнавали и дружески нам улыбались.

* * *

Домой мы возвращались на пароходе. Сначала проплыли мимо берегов Англии, потом сквозь дымку тумана проглянула Франция, дальше Бельгия...

Мы плыли на пароходе, мечтали о встрече с Родиной, по которой сильно соскучились за эти долгие пять месяцев, и думали о том, как привезём горячие приветы от всех бельгийцев, французов, англичан, которые были рады нам.

Литературная запись В. Железникова

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МАГАЗИН

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. НИК. ЕРМОЛАЕВА

Далеко на Севере, за Полярным кругом, где летом солнце не заходит, а зимой долгие месяцы не появляется на небе, работали водолазы. В одной бухте, или, как на Севере их называют, губе, лежал затонувший пароход. Погиб он в начале войны, и за годы, что пролежал на дне морском, так оброс водорослями и ракушками, что и на корабль уже был не похож. Стал каким-то мохнатым морским чудищем.

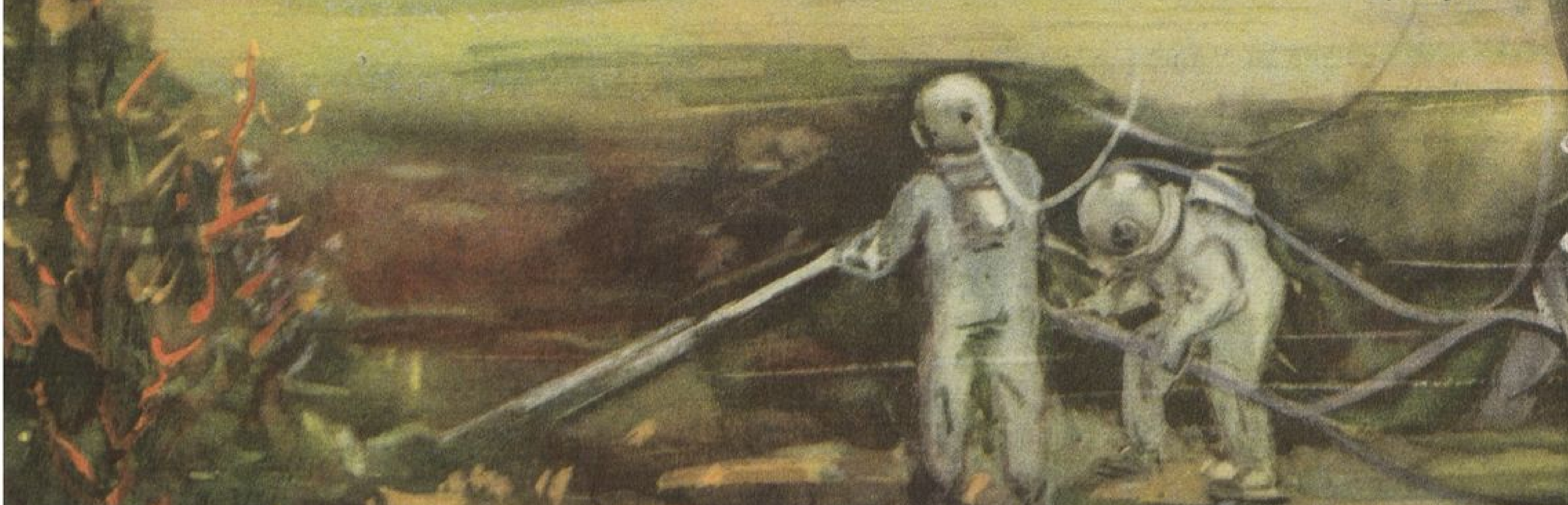
Прежде чем поднять пароход, водолазам надо было разгрузить все его трюмы, а в трюмах полно было разных грузов. Водолазы опускались в тёмные трюмы, прикрепляли к стальным канатам ящики с грузами, пловучий подъёмный кран поднимал их на поверхность и укладывал на баржи.

После разгрузки водолазы собирались подвести под днище парохода стальные полосы, которые у них называются „полотенцами". На каждом конце такого полотенца — по большой скобе. К этим скобам, когда полотенца будут уже под днищем, водолазы прикрепят затопленные громадные железные бочки — понтоны, а потом выжмут из них воздухом воду, и они оторвут пароход от грунта и потянут наверх.

Поднимут морской корабль и отбуксируют на судоремонтный завод, а там инженеры посмотрят, что с ним делать: если корпус у него крепкий, не проржавел — отремонтируют, и снова пароход будет по морям ходить. А если ржавчина проела обшивку, тогда корпус разрежут автогеном на куски и отправят на завод, в доменную печь. Из этого металла новые корабли можно будет строить.

Вокруг губы не было ни посёлка, ни даже домика. Только на мысу, при входе в губу, жили постоянно три человека: маячный смотритель Николай Петрович, его жена Мария Павловна и их шестилетний сынишка Костенька. Скучновато жилось Костеньке зимой, когда всё снегом завалено, солнца нет и только сполохи северного сияния иногда промчатся по тёмному небу. Зато летом ему было чем заняться. С весны ловил он рыбу. В губе — треску и окуней на шнур, в озёрах — форель, пёструю кумжу, краснобрюхую палью. Потом в тундре поспевали ягоды, и Костенька ходил с чёрным ртом; осенью наступала очередь и грибов-подосиновиков.

А в этом году с весны пришли водолазы, и у Костеньки сразу

появилось много друзей. Они хоть и большие все были, но ничуть этим перед Костенькой не хвастали. А дядя Серёжа даже жалел, что во всей водолазной партии нет подходящего Костеньке по росту водолазного скафандра — рубашки со штанами, которые в воде не промокают, и медного шлема с четырьмя окошечками-иллюминаторами. Был бы такой скафандр, дядя Серёжа обязательно взял бы его с собой на затонувший корабль. А так приходилось Костеньке только слушать рассказы дяди Серёжи, как красиво под водой.

И вот пришла нежданно-негаданно беда. Как-то отправился Костенька на озёрко за кумжей. Погода была хорошая, оделся он легко, а не прошло и часу, как налетел с Баренцова моря шквал с дождём. Пока добежал рыбачок домой, промок, продрог, да и свалился в жару... Водолазный доктор посмотрел больного и сказал:

— Воспаление лёгких... Только вы не отчаивайтесь, это теперь, в наши времена, не так опасно, как раньше.

Три дня не уходил доктор с маяка и спас Костеньку от смерти. Но лежать Костеньке надо было ещё долго, пока доктор „выпишет его из госпиталя“: так в шутку дядя Серёжа назвал комнатку, где лежал его приятель.

— Скучно ему... — жаловалась мама.—Я не могу ему здесь даже игрушек купить.

— Игрушек? Будут ему игрушки!— сказал дядя Серёжа.

Пришёл он на водолазный бот и стал готовиться к спуску. Сначала надел шерстяное бельё и вязаную шапочку. Потом его товарищи взяли водолазную прорезиненную рубашку, — это рубашка и штаны, склеенные вместе, — растянули у неё резиновый воротник и надели на дядю Серёжу. На плечи надели медную манишку, на манишку повесили два свинцовых груза: один на спину, второй на грудь. На ноги надели кожаные ботинки со свинцовыми подошвами, опоясали петлёй сигнальной верёвки и, наконец, покрыли голову шлемом и привинтили его к манишке. Тяжело было дяде Серёже итти с таким грузом по палубе до лесенки, что была спущена с борта в воду, да зато под водой грузы помогают водолазу передвигаться. Без грузов он бы, как пробка, наверх вылетел.

Перед самым спуском водолаз попросил, чтобы к поясу привязали ему сумочку.

— Да ты не на базар ли собрался?—шутя спросили его товарищи.

— В игрушечный магазин... — серьёзно ответил дядя Серёжа.

После работы в трюме поднялся дядя Серёжа на палубу затонувшего корабля и пошёл по ней путешествовать, игрушки „покупать“. Хотел было нарвать на корме букет актиний, да разве их нарвёшь? Стоят они пышными кустами, а чуть тро-

нешь рукой, моментально съёжатся, только пятнышко останется. Тогда стал водолаз собирать в сумочку разные морские диковины. Набрал зелёных шариков — колючих ежей, положил несколько ракушек, похожих на веера, потом начал охотиться за морскими звёздами. Ему хотелось найти самую редкую, у которой целых двенадцать лучей во все стороны расходятся. Долго бродил он по палубе. Сверху, по телефону, ему приказали уже подниматься, когда, наконец, ему удалось разыскать жёлто-оранжевую красавицу такой величины, что она и в сумку не полезла. Так в руке и понёс её наверх дядя Серёжа.

Первый раз заблестели у Костеньки глаза так, как блестели до болезни, когда пришёл дядя Серёжа и разложил перед ним подарки студёного моря.

— Теперь дело за тобой... — сказал дядя Серёжа. — Поправляйся скорее да собирайся в дорогу. Я ещё натаскаю и звёзд, и ежей, и ракушек. Мы их высушим, и повезёшь ты под Ленинград бабушке с дедушкой морские подарки. И приятелей одаришь...

— И в школу подарю... Я теперь у бабушки буду жить, потому что мне надо в школу. Только не увижу я, как вы пароход поднимете... — сказал с грустью Костенька.

— Увидишь! Как будем поднимать, я попрошу доктора, и он всё сфотографирует, и я пришлю тебе фото заказным письмом. Ладно?

— Ладно... — прошептал Костенька. — Только обязательно заказным... — добавил он.

МОРСКАЯ ИГЛА

В ней нитки нет, и нет ушка,
Нет плавников среди брюшка;
Игла от года к году
Всё шьёт
Морскую воду.
Шьёт не спеша — куда спешить?
Ведь море всё равно не сшить!

РЫБА-ПИЛА

Могуч кашалот —
Как ударит хвостом! —
Недаром его называют
Китом.
Но даже ему,
Кашалоту,
Встречаться с пилой
Неохота:
Торчит впереди
Вместо носа
Пила.
Распилит того и гляди
Пополам!

ЁЖ-РЫБА

Очень хочется, ребята,
Встретить мне лесного брата,
Только мой колючий брат
Никогда воде не рад.
Ну, а мне, друзья, всегда
По душе одна вода!

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

С. САХАРНОВ *Рис. В. АНДРИЕВИЧА*

РАК-МОШЕННИК

Давным-давно это было. Собрались раки на совет: решать, кому где жить.

Кто побольше, — в море пошёл. Кто поменьше, — в реки.

Остался самый маленький рачишка. Был он зелёного цвета, одна клешня больше, другая меньше.

Ростом маленький, а умишком хитрый.

«Куда большие пошли, уж там, верно, лучше!» — рассудил он.

И пошёл жить в море.

Прошло немного времени, и увидел рачишка, что не сдобровать ему в море.

Рыб зубастых, хищников разных кругом тут видимо-невидимо.

Где уж тут до хорошей жизни! Залез рак под камень. Высунет оттуда нос, ухватит травинку или червяка — и обратно.

Видит раз рачишка — ползёт мимо улитка-береговушка. Хорошо береговушке: носит она раковину на спине. Чуть что, спряталась в неё — и дома!

«Вот бы мне такой дом!» — думает рак.

Голова у рачишки маленькая. Что-нибудь хорошее придумать умишка недостаёт, а обмануть хватит.

— Здравствуй, соседка! — говорит. — Вылезай из домика, потолкуем.

— Некогда, — отвечает улитка. — Тороплюсь. Сёстры ждут. — И поползла дальше. К вечеру за ближним камнем скрылась.

Уплыл ёрш. И улитка уползла.

...Прошёл ещё год. Уж новая клешня у рачишки отросла.

В третий раз встретились рачишка с береговушкой. Видит улитка — новая клешня!

— Откуда она у тебя?— спрашивает.

«Ну, — думает рачишка, — теперь-то я тебя из домика выманю!»

— Как откуда? Говорил я тебе, — под камнем была. У меня там ещё припасёна.

— Ах ты, слизняк безмозглый! — рассердился рачишка. — Ну, погоди, выманю я тебя из раковины!

...Прошёл год. Встретился снова у своего камня рачишка с улиткой.

— Где это ты пропадала? А у меня для тебя что-то есть. Вылезай — покажу.

Обманывает рачишка: ничего у него нет. Два уса зелёных — и те не отдаст!

— А мне ничего не нужно, — отвечает береговушка. — Вот разве клешню бы одну, как у тебя. Худо без рук.

— Есть, есть у меня под камнем ещё клешня! — обрадовался рачишка.

Не поверила улитка. Виданное ли это дело, чтобы клешня одна, без рака, под камнем лежала!

Тут откуда ни возьмись налетел на них морской ёрш. Хотел рачишку целиком глотнуть. Промахнулся, ухватил губой за клешню и обломил её.

Рачишка под камень шасть! — еле ноги унёс. Береговушка в свой домик спряталась. Сидит ни жива ни мертва.

— Дай мне! — попросила береговушка.

— Самому нужна. Ну, да так и быть, — уступлю. Ползи за мной!

Полез рачишка под камень.

Сунулась береговушка за ним — не пускает раковина. Вылезла из неё.

А рачишка под камнем пролез, с другой стороны вылез. Обежал кругом — и к раковине. Хвост и брюшко в неё засунул, клешни и усы наружу.

Поискала, поискала улитка под камнем, — нет ничего! Вылезла.

Смотрит, а рачишка раковину её спиной приподнял и бежит уже по дну прочь.

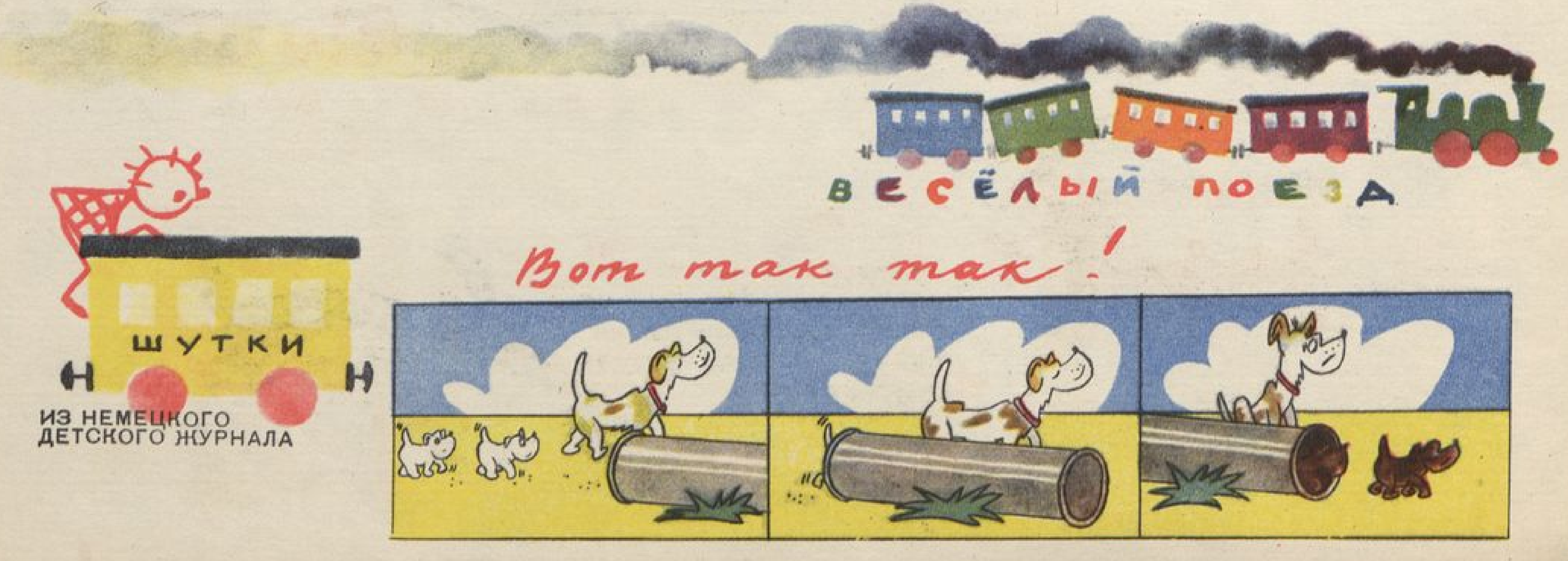
Осталась улитка без дома. В тот же день её ёрш съел.

Рачишка с тех пор раковину на себе таскает. Прячется в неё, один-одинёшенек живёт. За это его раком-отшельником называют.

А ребята, когда случается его из воды вытащить, кричат:

— Рак-мошенник! Рак-мошенник!

И верно мошенник: в чужой дом залез.

Пасяечка и Дроздок

ВИТ. БИАНКИ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Был у нас кот Пасяечка. Он знал своё имя хорошо, а главное — очень умный и никогда без спросу ничего не трогал.

И вот раз ночью слышу, будто кто-то крыльями машет. Я открыла штору,— а на окне сидит Пасяечка и держит в зубах птичку. Кота я нашлёпала, а птичку мне удалось выходить. Мы прозвали её Дроздок.

Дроздок очень скоро к нам привык: скакал по комнате, взлетал на окна и ловил мух. Все мне говорили: «Вот уйдёте куда-нибудь, Пасяечка и съест вашу птичку». Но я строго погрозила коту пальцем и сказала, чтобы он не смел Дроздка трогать.

Вот однажды мне пришлось уйти из дому. Квартиру я заперла на ключ. Прихожу, отпираю: ни кота, ни дрозда нет. У меня так сердце и упало!.. И вдруг вижу: в кухне на полке лежит Пасяечка, свернулся в клубочек, а на нём стоит Дроздок!

С этого дня началась их дружба. Спали они вместе. Если Дроздок долго не идёт, Пасяечка сходит за ним, тихонечко его лапкой тронет, — Дроздок и вскочит на него. Кот разляжется, а Дроздок давай из него шерстинки выклёвывать. Коту это нравится.

Около нашего дома был пруд. Как-то мы собрались итти в кино на дневной сеанс, а сосед как раз несёт нам в тазике живых карасей. «Большое спасибо!» — сказала я и поставила тазик в кухне на столик.

Сосед сердится:

— Я не коту, я вам принёс живёхоньких!

А Юра, сынишка мой, отвечает:

— Что вы? Пасяечка такой честный. Он без спросу не возьмёт.

Сосед и поспорил с ним на плитку шоколада, что кот обязательно рыбу утащит.

Пришли из кино, позвали соседа, при нём открыли дверь и вошли в кухню. Я так и ахнула: на столе стоял пустой тазик!

— Ну вот, — сказал сосед. — Будете знать, как верить коту!

У Юры даже слёзы на глазах показались.

Вдруг слышим шорох и видим: кошачий хвост из-под стола торчит.

Подняли скатёрку, а там кучей карасики лежат, а над ними Пасяечка и Дроздок сидят. Как какой карасик пошевельнётся, так Пасяечка его лапой, лапой, а Дроздок — носом. Сидят оба и охраняют рыбу, чтобы не удрала, пока мы ходим.

Соседу так это понравилось, что он подарил Юре целую коробку шоколада и сказал, что больше никогда спорить не будет.

Вот какие были честные наши Пасяечка и Дроздок!

Сообщила М. И. Забегалова

СОРОКА-ВОРОВКА

ВЛ. ЛИФШИЦ *Рис. В. ГАЙВОРОНСКОЙ*

Сорока-белобока —
Недремлющее око.
Сорока-белобока
На веточке сидит.
За каждым, кто приходит,
За всем, что происходит,
Сорока-белобока
Внимательно следит.

Забыл на подоконнике
Сегодня кто-то ложку.
Сорока увидала
Её издалека.
Сорока подлетела
К раскрытому окошку
И с ложкой улетела
Сквозь ветви сосняка.

В саду на умывальнике
Оставил кто-то брошку.
Сорока увидала
Её издалека.
Сорока опустилась
На жёлтую дорожку
И с брошкой улетела
Сквозь ветви сосняка.

Мне за неё неловко,
Ей оправданья нет,
Она, друзья, воровка,
Каких не видел свет!
У ней в гнезде стекляшки,
Кокарда от фуражки,
Конфетные бумажки
И нынешний улов:
Серебряная ложка,
И бронзовая брошка,
И вот она, цепочка
От папиных часов!..

Все эти безделушки
На солнышке блестят,
И радуют сороку,
И очень веселят.

БОБРЫ-СТРОИТЕЛИ

Бобры, речные жители, —
Отличные строители.
Других таких строителей
Не встретишь ты нигде!
Они ребята дельные,
Весёлые, артельные, —
С бобрихами, с бобрятами
Работают в воде.

Натащили
Глины груду,
Не пропал
Напрасно труд, —

Рис. В. ТРОФИМОВА

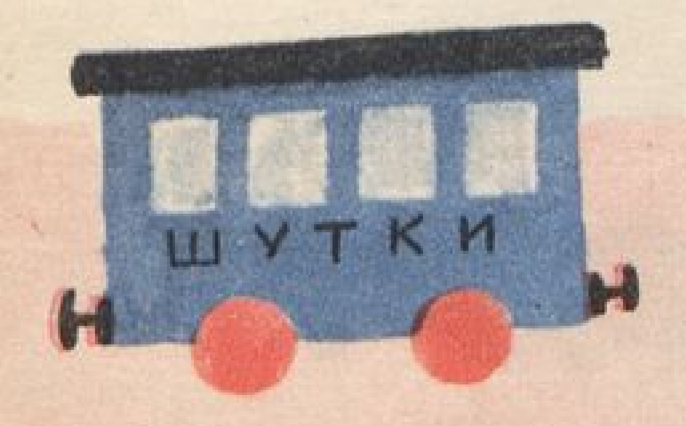
Ветки носят,
Глину роют,
На реке
Плотину строят.
У плотины
Там и тут
В круглых домиках
Живут.

В речке
Сделали запруду,
Получился
Целый пруд!

Лопат у них не водится,
Они и так обходятся.
Плотина их возводится
Без пил, без топора.
Есть только зубы крепкие,
Есть только лапы цепкие,
Есть только трудолюбие
У каждого бобра.

А дома, разумеется,
Всё у бобров имеется.
И зря поймать надеется
Бобра на ужин рысь:
С бобрихами, с бобрятами
Все мордочки попрятали,
А к домику бобриному
Попробуй подберись...

ВЕСЁЛЫЙ ПОЕЗД

— Мохан, — сказал учитель, — твоё сочинение „Наша собака" слово в слово сходится с сочинением твоего брата.

— Ещё бы, — ответил Мохан, — ведь у нас с братом одна и та же собака!

— Рену, ты умеешь хранить секреты?

— Да, конечно. Но вся беда в том, что те, которым я их рассказываю, не умеют хранить.

Пересказал с хинди Дориан

ГОРЕ-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Ф. ПОЛКАНОВ

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

Штаны были новые. Мама вчера только их купила.

Раньше Серёже очень не везло. Все три пары, которые покупала ему мама в первом классе, оказались на редкость непрочными. Стоило, например, зацепиться за гвоздь в заборе, и — трах! — готово, штаны лопнули. Бывало и хуже. Поиграет, например, Серёжа с соседским псом Громолаем, и — на тебе! — все брюки в пятнах, а то и в дырках от зубов.

Но особенно большие неприятности доставили Серёже штаны номер три.

А вышло всё так.

Серёжа наливал чернила в «непроливашку», а чтобы стол не испачкать, делал он это на стуле. Получилась лужица. А тут позвонил по телефону Витька Матвеев. Спросил, что задали, и ещё о луне и звёздах поспорили: что больше?

А когда кончили говорить, Серёжа пошёл и... сел в чернила.

Пятно получилось не очень красивое. Не пятно, а медуза целая, как у старшей сестры Тани в учебнике.

Пришлось тут Серёже задуматься. Вот взрослые, им хорошо! Предположим, какой-нибудь гражданин сел в чернила. Что же, пожалуйста! Идёт он в мастерскую. Там сразу чик-чик — и пятна нет. А тут...

Но именно тут и пришла в голову Серёже мысль. Зачем нужна мастерская?

Взял он бутылку со стиральной содой — каустиком. Эта штука что хочешь выстирает! Штаны снимать не обязательно. Можно просто налить соды на другой стул, сесть на него и поёрзать.

...Налил, сел и поёрзал...

А когда вскочил, то, к удивлению своему, увидел: брюки взяли и расползлись в форме медузы. Непрочные они были.

После этой истории выяснилось, что у мамы железный характер.

— Вот что, изобретатель, — сказала она, — ничего не поделаешь, штаны я тебе куплю. Но знай: до следующего учебного года ты их не увидишь.

Так и вышло. Мама слово своё сдержала.

...Но вот, наконец, на носу сентябрь, а в шкафу только что купленные брюки.

Серёжа был очень доволен. Ведь когда человек всегда в целой одежде ходит, неинтересно, никто не замечает. А вот если как выйдет он вдруг во двор в новых штанах, да как пройдется!..

Но непреклонная мама сказала:

— До первого сентября ни-ни! И не думай надеть.

И вот ходит Серёжа из угла в угол, на шкаф поглядывает... К маминой пишущей машинке подойдёт, ткнёт пальцем в букву — и в сторону, чтобы Таня не заметила.

Эта Таня — тоже заботливая сестрица! Расфуфырилась, разоделась. А то, что единственный её брат не может надеть единственные свои целые штаны, — это её не касается.

«И когда же я подрасту? — думает Серёжа. — Вот папа, например. У него — жизнь. Получит какую-нибудь повестку или приглашение и весь вечер в новом костюме. Вот мне бы так: повестку, что ли, получить? Но только откуда ее получишь?»

Подумав об этом, Серёжа застыл у пишущей машинки. Постоял, постоял, крутнулся на одной ноге, и... сел подбирать нужные буквы.

Через несколько минут, спрятав в карман напечатанное, Серёжа метнулся за дверь.

Потом вернулся и сказал небрежно:

— Почтальон приходил. Ты бы, Таня, глянула. Может, в ящике нам письмо?

Но сестра была занята.

Смешной человечек бежит по синей дорожке, а кошка — по красной. Они изо всех сил стараются обогнать друг друга. Кто добежит до мышки? Кто бежит по правильной дорожке?

Тогда Серёжа уронил случайно велосипед, и Таня вскрикнула: «Ах!..»

— В ящике, говорю, посмотрела бы, — повторил свою просьбу Серёжа.

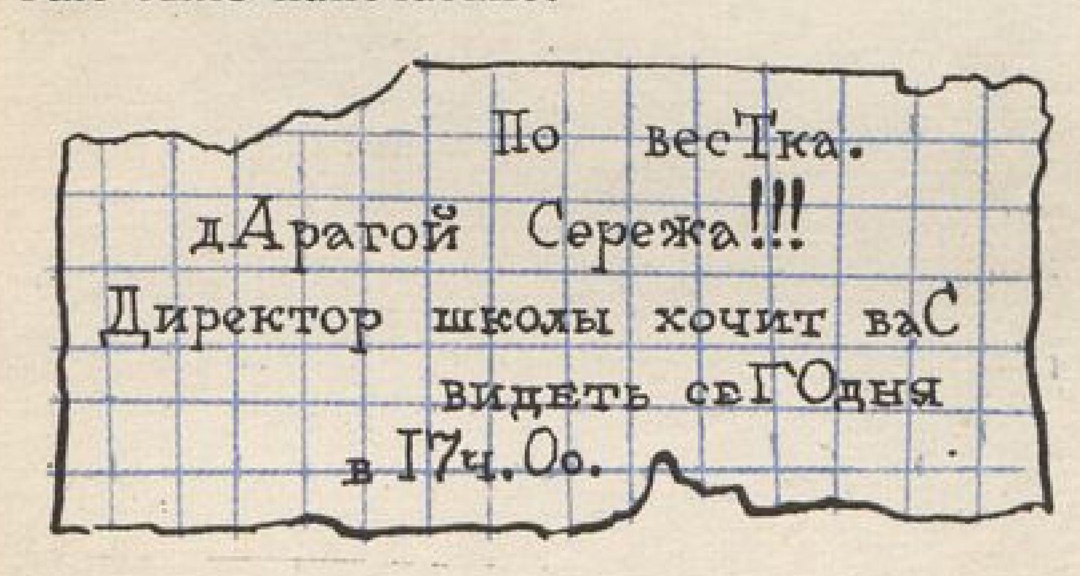
Но Таня молчала. Что делать? Серёжа взял пустой магазинный пакет, надул его и бахнул над ухом сестры.

Таня снова ахнула и отправилась смотреть почту.

В коридоре она почему-то громко смеялась — над кошкой, наверно, — а потом вошла в комнату серьёзная.

— Это тебе. — Она протянула Серёже бумажку.

Там было напечатано:

По весТка.
дАрагой Сережа!!!
Директор школы хочит ваС
видеть сеГОдня
в 17ч.0о.

Серёжа повертел листочек, прочёл, тыкая в слова пальцем, и серьёзно сказал:

— Зачем это я директору понадобился? Знаешь, Таня, я, пожалуй, к нему не пойду.

— Это почему же?

— А как я пойду, если в старых штанах итти неудобно, а новые мама брать не велит?

— Ах, вот оно что... — заулыбалась вдруг сестра. — Я думаю, для такого случая и новые достать можно.

Скоро Серёжа был уже вымыт, вычищен, причёсан и брюки на нём были новые.

Сестра заботливо смахивала с него последние пылинки.

— Вот видишь, совсем другим стал.

— А я всегда буду так.

— Ой ли? Замажешься моментально! — сказала Таня, провожая брата до двери.

И вот Серёжа уже двинулся, но вдруг...

— Постой, постой! — удержала его сестра. — Давай-ка посмотрим в почтовом ящике... Там что-то лежит. Может, опять тебе? Министр, например, вызывает...

«Что это она?» — подумал Серёжа.

А Таня сунула руку в ящик, достала оттуда бумажку.

— Вот видишь, тебе...

На аккуратно обрезанном листе «в клеточку» было напечатано:

„УВЕДОМЛЕНИЕ

Многоуважаемый Сергей! Директор школы доводит до твоего сведения, что назначенное на сегодня совещание отменяется...“

Прочёл Серёжа и ничего не сказал. Молча прошёл в комнату, достал свои старые штаны и стал переодеваться.

Дорогие ребята!

От названия каждого рисунка возьмите первые буквы, и вы разгадаете ребус.

ПЕСНЯ ДЕРЕВА

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

Старая кабардинская народная песня

Песню-жалобу
река
принесла
издалека.
А самой реке
всё это
дерево
пропело где-то:

„Я расту
недалеко,
я ценюсь
невысоко,
а меж тем
моя цена
быть высокою
должна.

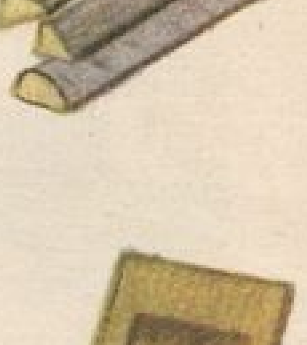

Я — дрова
для вашей печки,
мост с перилами
для речки.
Я и мачта,
я и лодка,
и башмачная
колодка.

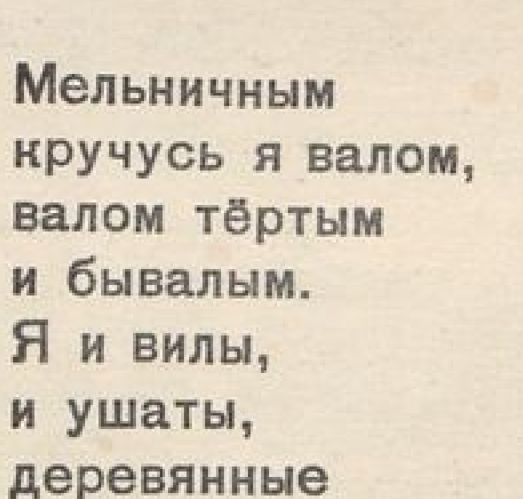

Я дубовое
корыто,
обод липовый
для сита.

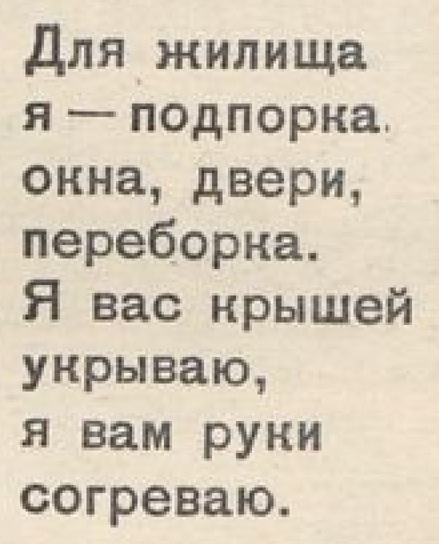
Мастер гнёт
меня в дугу —
колесом
я быть могу.

Мельничным
кручусь я валом,
валом тёртым
и бывалым.
Я и вилы,
и ушаты,
деревянные
лопаты.

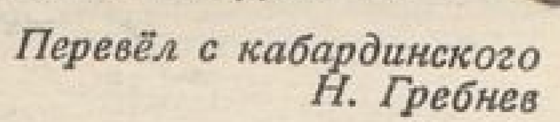

Для жилища
я — подпорка.
окна, двери,
переборка.
Я вас крышей
укрываю,
я вам руки
согреваю.

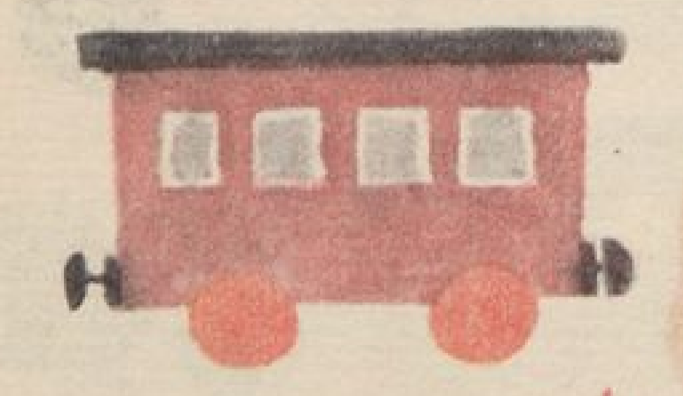
Знайте, люди:
без меня
нет ни дыма,
ни огня.
Без меня бы
вы пропали,
день бы
прожили едва ли".

Перевёл с кабардинского
Н. Гребнев

МАРО АБРАМЯН

ЧАСЫ ИДУТ

— Что с тобой, мамочка? Почему ты так волнуешься? — спросила Валя.

— Да, видишь ли, Валечка, часы идут, а я ничего не сделала,— ведь скоро мне на работу.

— А ты останови часы.

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

Вверху на полянке растут белые грибы. Мальчик может к ним пройти только по тропинкам, где не растут мухоморы.
Помогите мальчику найти верную дорожку.

На обложке рисунок Н. Цейтлина

Макет Ф. Лемкуля

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать второй **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 5/X 1956 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2140

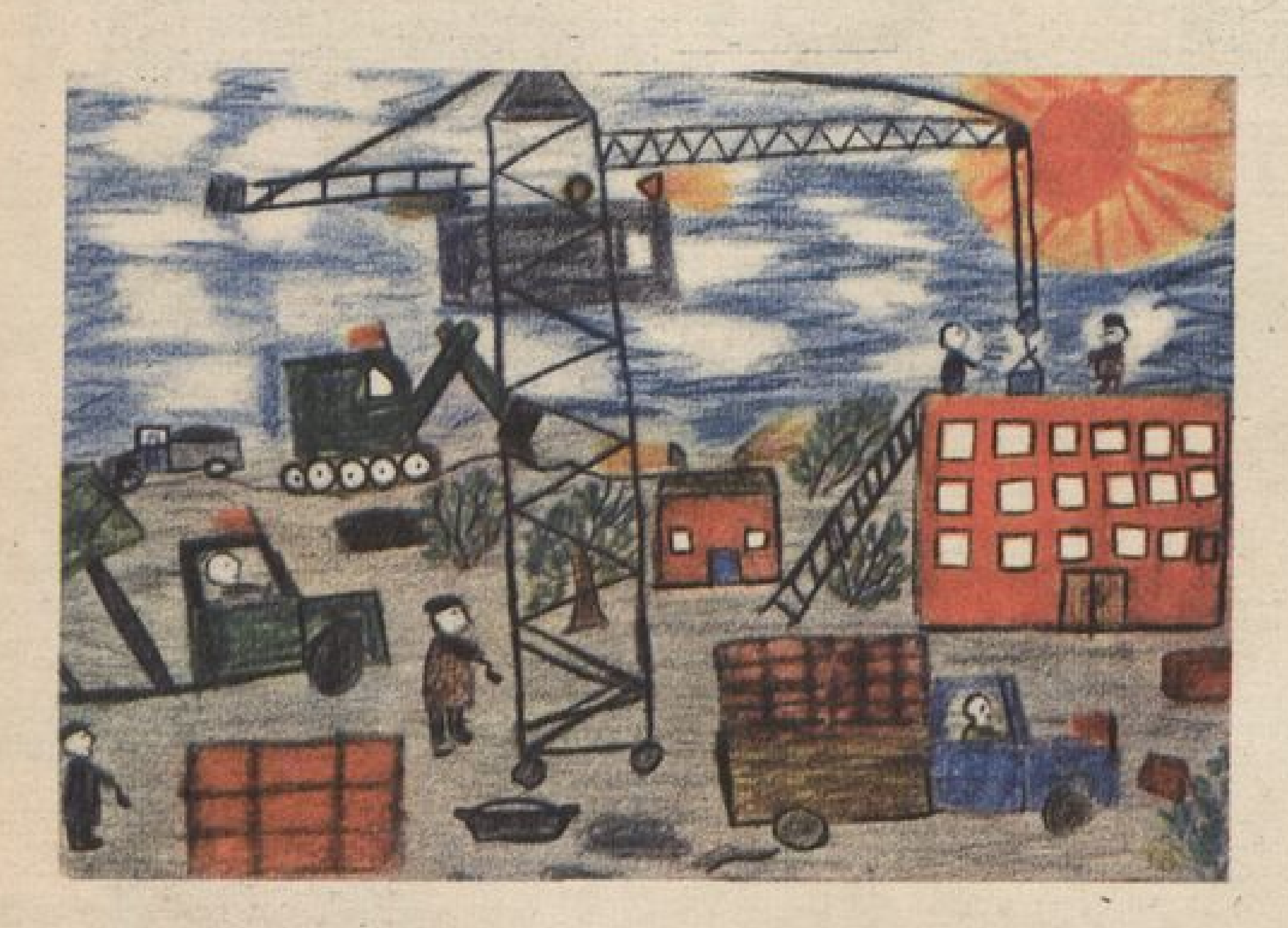
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

«Птичка» — Коля Шольц, 9 лет.

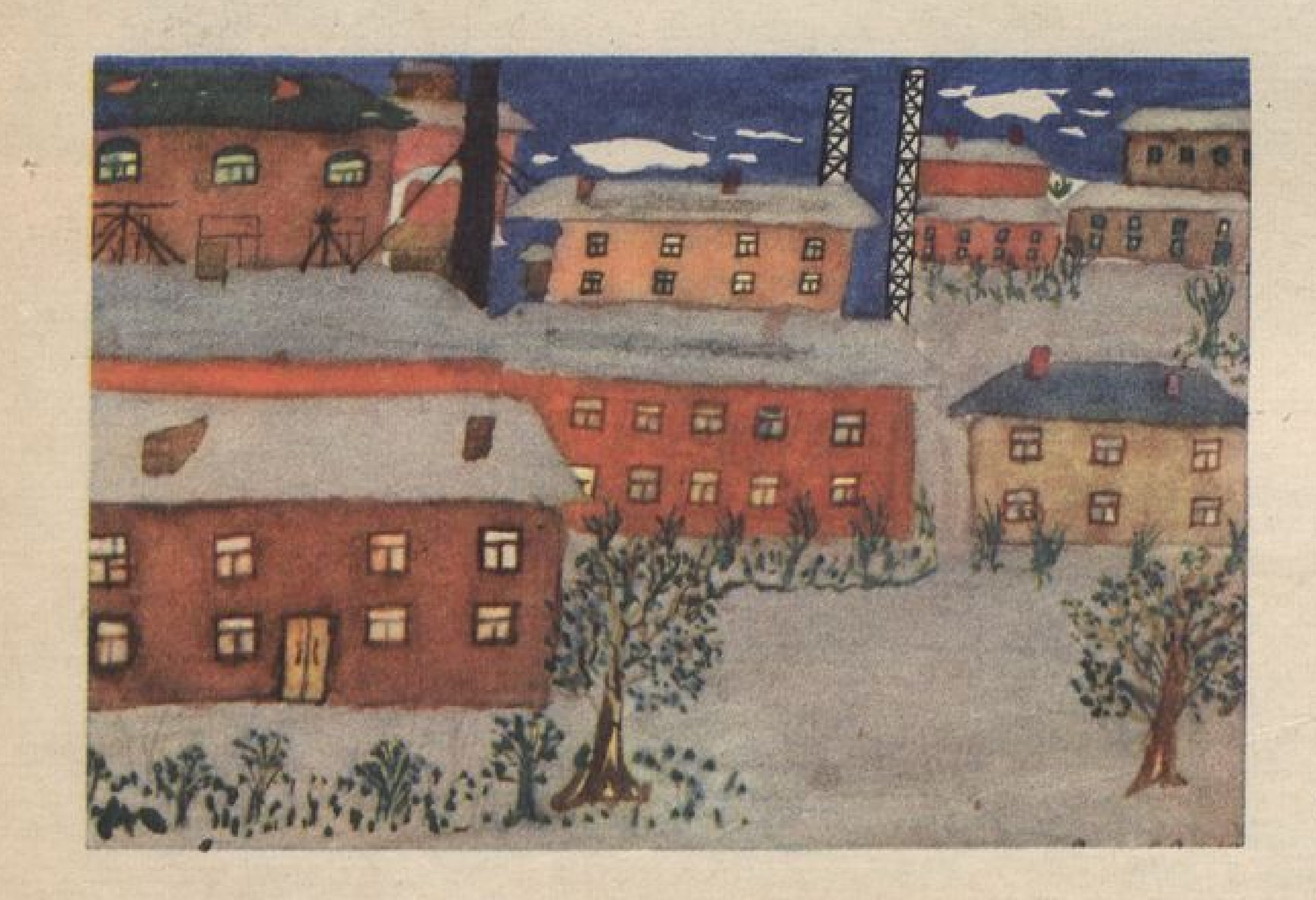
«Кремль» — Витя Петренко, 10 лет.

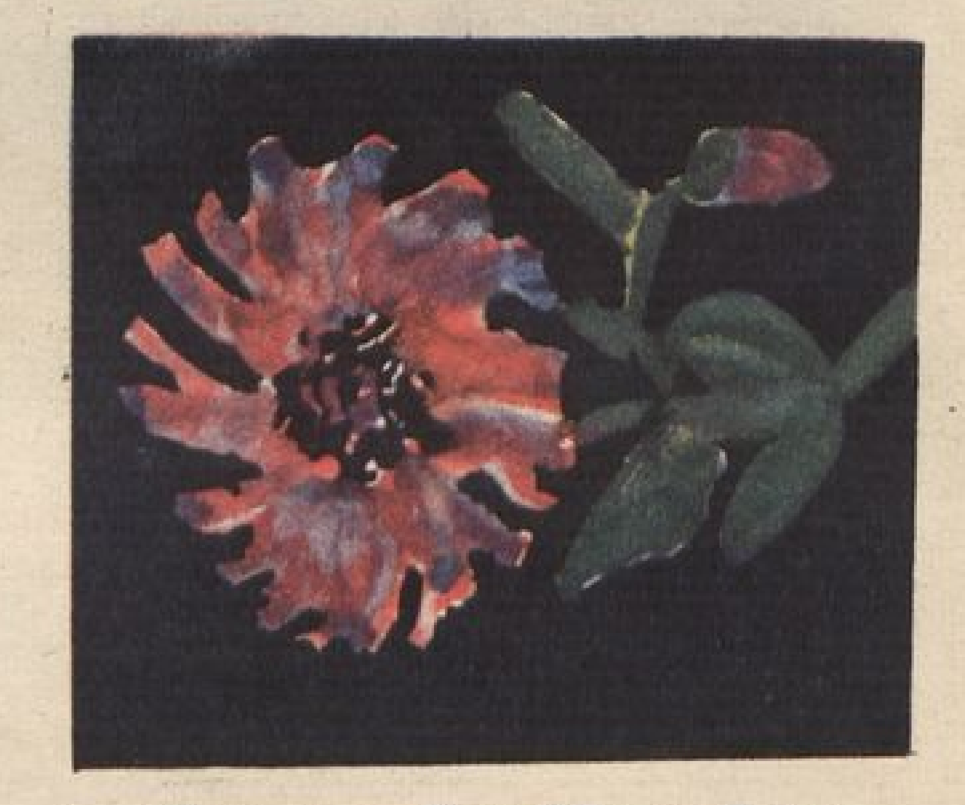

«Подъёмный кран» — Сергей Агафонов, 7 лет.

«Праздничная улица» — Александра Сазонова, 7 лет.

«Цветок» — Коля Шольц, 9 лет.

«Городской пейзаж» — Леонов, 8 лет.